

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

*Посвящается БЕРТУ ФИЛДСУ,
который выхватил победу
из челюстей поражения
и который мог бы стать величайшим
советником из них всех.*

С восхищением,
Марио ПЬЮЗО

ПРОЛОГ

Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть.

«Братья Карамазовы»
Ф. Достоевский

Когда черная смерть прокатилась по Европе, забрав с собой половину населения, многие люди в отчаянии обратили свои взоры с небес на землю. Наиболее мудрые, дабы покорить окружающий мир, пытались познать секреты существования и открыть самые великие загадки жизни, тогда как бедные разумом надеялись лишь облегчить свои страдания.

Господь был низвергнут и обрел человеческие черты, жесткая религиозная доктрина Средних веков рухнула, уступив место изучению великих древних цивилизаций Рима, Греции и Египта. Никого уже не тянуло в Крестовые походы, их сменили олимпийские сражения. Человек выставил свой разум против сердца Бога, положив начало эпохе правления здравого смысла.

То было время великих открытий в философии, живописи, литературе, медицине и музыке. С помпой и почестями пышно расцветала культура. Но за это приходилось платить. Старые законы сломали, не создав взамен новых. Переход от непреложного следования слову Божьему и веры в спасение души к понятию чести человека и возможности обрести награду в мире живых,

то есть гуманистическим ценностям, по правде говоря, дался непросто.

Тогда Рим был не Святым городом, а центром беззакония.

Людей грабили на улицах, бандиты врываются в дома, проституция процветала, сотни римлян умирали каждую неделю.

Более того, страны, которую мы все знаем как Италию, еще не существовало. На ее территории располагались пять небольших государств: Венеция, Милан, Флоренция, Неаполь и Рим. В сфере влияния каждого находилось множество независимых городов-государств, где правили семьи, чьи корни уходили в далекое прошлое. Сосед боролся с соседом за клочок территории. И тот, кто побеждал, всегда оставался настороже: ибо новый сосед мог оказаться куда как сильнее.

Приходилось помнить и об угрозе внешнего вторжения: иностранные империи стремились расширить свои границы. Правители Франции и Испании, «варвары»-турки, которые не были христианами, надвигались на Папскую область.

Церковь и светская власть боролись за верховенство. Слава богу, «Великий схизм»¹, когда два Папы в двух городах делили власть и доход церкви, остался в прошлом. Формирование нового единого центра, в Риме, вселило новые надежды в сердца служителей Господа. Вновь почувствовав силу, духовные лидеры церкви, конечно же, пошли войной на королей, королев и герцогов маленьких городов и феодалов.

Однако римская католическая церковь не являлась опорой правопорядка, ибо не только миряне нарушали закон. Кардиналы посылали своих слуг, вооруженных камнями и арбалетами, драться с римской молодежью. Люди, занимающие в церковной иерархии самые высокие посты, то есть принявшие обеты целомудрия и безбрачия, посещали куртизанок и содержали любовниц. Взятки не только предлагались, но и принимались. За

¹ «Великий схизм» — разделение католической церкви (1378–1417).

деньги изменялись законы и писались папские буллы, дарующие освобождение от наказания за самые ужасные преступления.

Многие разочарованные горожане говорили, что в Риме все имеет свою цену: церкви, священники, помилование и даже прощение Всевышнего.

За редким исключением, священниками становились вторые сыновья аристократических семейств: их с самого рождения готовили к служению Господу. Они шли в религию не по призванию, но, поскольку церковь по-прежнему обладала правом назвать короля — королем и могла обеспечить райскую жизнь на земле, знатнейшие семьи Италии раздавали взятки и подарки, чтобы протолкнуть своих сыновей в коллегии кардиналов.

Таким было Возрождение, время кардинала Родриго Борджа¹ и его семьи.

Глава 1

Золотые лучи летнего солнца согревали вымощенные брусчаткой улицы Рима. Оставив за спиной Ватикан, кардинал Родриго Борджа быстрым шагом направлялся к трехэтажному дому на пьяцца де Мерло, чтобы забрать своих троих малолетних детей: сыновей Чезаре и Хуана и дочь Лукрецию, плоть от плоти, кровь от крови. В этот знаменательный день вице-канцлер Папы, второй по могуществу человек в римской католической церкви, особенно остро чувствовал благоволение Господа.

И довольно насвистывал, входя в дом их матери, Ванноццы Катаней. Церковнослужитель, он не имел права жениться, но, как слуга Господа, нутром чувствовал, что понимает Божий замысел. Ибо разве не создал Он Еву для того, чтобы дать пару Адаму, даже в раю? Так отчего же не следовать тем же канонам на грешной земле, переполненной несчастьями? Здесь, как нигде, мужчина нуждается в женской заботе и ласке. У него было еще трое детей, из тех далеких времен, когда он служил

¹ Родриго Борджа (1431–1503) – кардинал, затем Папа Александр VI.

епископом, но не они, а более поздние, зачатые от него Ванощой, занимали особое место в его сердце. Они, казалось, разжигали в нем те же высокие устремления, что и она. Даже теперь, пусть они были совсем юными, он видел их стоящими с ним плечом к плечу, помогающими ему вобрать в границы Папской области всю Италию и распространить власть Римской католической церкви на весь мир.

Всякий раз, когда он приходил в этот дом, дети называли его «папой», не видя никакого противоречия в том, что он любит их и при этом служит Святейшему престолу. Они не находили ничего необычного в том, что он — кардинал и при этом их отец. И с чего? Ведь сын и дочь Папы Иннокентия участвовали во всех церковных церемониях.

Ваноща ходила в любовницах кардинала Родриго Борджа больше десяти лет, и он улыбнулся, подумав о том, что она, наверное, единственная, кому удалось на протяжении стольких лет будить в нем страсть. Разумеется, он и не думал хранить верность Ваноще, с его аппетитом к плотским удовольствиям об этом не стоило и заикаться, но она играла в его жизни важную роль. Только с ней, умной и, по его меркам, прекрасной, он мог обсудить насущные вопросы как мирской, так и церковной жизни. Она частенько давала ему дельный совет, а он в ответ проявлял себя искусным любовником и любящим отцом их детей.

* * *

Ваноща стояла в дверях дома и мужественно улыбалась, на прощание махая рукой уходящим детям. Только одно придавало сил этой женщине, которой оставалось совсем ничего до сорокалетнего рубежа: она понимала этого мужчину в сутане кардинала. Она знала мощь пылающего в нем честолюбия. Он уже разработал военную стратегию святой католической церкви, направленную на то, чтобы влияние ее существенно расширилось, наметил союзы, которые могли укрепить это влияние, вел переговоры, призванные усилить как его позицию, так

и власть церкви. Идеи маршировали в его мозгу с той же решимостью, как, придет час, предстояло маршировать по вновь приобретенным территориям его армиям. Провидение уготовило ему судьбу одного из лидеров рода человеческого, а с его возвышением укреплялось бы и положение ее детей. Ваночца утешала себя тем, что придет день, когда они, законные наследники кардинала, получат богатство и власть. Поэтому она их и отпустила.

И теперь крепко прижимала к себе единственного оставшегося сына, Хофре, еще младенца, которого кормила грудью. Только поэтому его ей и оставили, но она знала, что ненадолго. Черные глаза блестели слезами, когда она наблюдала за уходящими от нее детьми. Только раз обернулась Лукреция. Мальчишки не повернули головы.

Ваночца наблюдала, как красивый, представительный кардинал взял за руку младшего сына, Хуана, и малютку-дочь, трехлетнюю Лукрецию. Старшему сыну, Чезаре, руки не досталось, и он уже начал сердиться. «Драки не миновать», — подумала она, но решила, что со временем Родриго будет знать характер детей так же хорошо, как и она. Неохотно она закрыла тяжелую деревянную дверь.

Они прошли лишь несколько шагов, когда разозлившийся Чезаре с такой силой толкнул младшего брата, что тот, выпустив руку отца, споткнулся и чуть не упал. Кардинал удержал мальчика на ногах, повернулся ко второму сыну.

— Чезаре, почему бы тебе не попросить того, что ты хочешь, а не толкать младшего брата?

Хуан, на год моложе семилетнего Чезаре, но куда как более хрупкого телосложения, гордо фыркнул, чувствуя себя под защитой отца. Но не успел поблаженствовать, как Чезаре шагнул к нему и пнул ногой.

Хуан вскрикнул от боли.

Кардинал схватил Чезаре за воротник, оторвал от брусчатки, тряхнул с такой силой, что каштановые локоны мальчика упали на лицо, вновь поставил на землю. Присел перед ним на корточки, взгляд карих глаз заметно потеплел.

— В чем дело, Чезаре? Чем ты недоволен?

Глаза мальчика, черные, с проникающим в душу взглядом, сверкнули, как два уголька.

— Я ненавижу его, папа, — голос звучал бесстрастно. — Ты всегда выбираешь его...

— Ну что ты, Чезаре, — добродушно улыбнулся кардинал. — Сила семьи, как и армии, в верности друг другу. Кроме того, ненавидеть собственного брата — смертный грех, а у тебя нет нужды подвергать опасности свою бессмертную душу, — он выпрямился, возвышаясь над ними, как гора. Со смешком похлопал себя по внушительному животу. — Меня определенно хватит на вас всех... не так ли?

Родриго Борджа впечатлял как габаритами, так и ростом. Его грубоватое, далеко не аристократическое лицо влекло женщин, темные глаза часто весело поблескивали, нос, пусть и большой, не выбивался из общих пропорций, чувственные губы, с которых обычно не сходила улыбка, вроде бы говорили об открытости души. Едва ли не все считали его одним из самых интересных мужчин своего времени благодаря харизме, невидимой энергии, которую он щедро излучал.

— Чез, ты можешь занять мое место, — предложила Чезаре сестра таким твердым и командным голосом, что кардинал обернулся к ней. Она стояла, сложив руки на груди, длинные белокурые локоны падали на плечи, на ангельском личике застыла непоколебимая решимость.

— Ты не хочешь идти с папой за руку? — кардинал сделал вид, что обижается.

— Я не буду плакать из-за того, что не держу тебя за руку, — ответила она. — И не буду из-за этого сердиться.

— Креция, — в голосе Чезаре слышалась искренняя любовь, — не будь дурой. Хуан просто прикидывается маленьким. На самом же деле он может постоять за себя, — и пренебрежительно посмотрел на своего брата, который утирал слезы шелковым рукавом рубашки.

Кардинал взъерошил темные волосы Хуана, подбодрил его:

— Перестань плакать. Можешь взять меня за руку. — Посмотрел на Чезаре: — А ты, мой маленький воин,

возьми вторую. — Взглянул на Лукрецию и одарил ее любящей улыбкой. — А ты, мое дитя? Что твой папа может для тебя сделать?

Выражение лица девочки не изменилось, на нем не отразилось никаких эмоций. Родриго одобрительно кивнул.

— Ты — истинно папина дочь, и в награду за твои великодушные и смелость ты усядешься на единственное почетное место.

Родриго Борджа наклонился, высоко поднял маленькую девочку и усадил себе на плечи. Рассмеялся от радости. А когда зашагал, в развевающейся, элегантной сутане, его дочь, казалось, превратилась в новую и прекрасную корону, которую сама судьба водрузила на голову кардинала.

* * *

В тот же день Родриго Борджа поселил детей во дворце Орсини в Ватикане, который возвышался напротив его собственного. Его вдовья кузина, Адриана Орсини приглядывала за детьми и следила за тем, чтобы они получили должное образование.

После помолвки ее тринадцатилетнего сына Орсо его невеста, пятнадцатилетняя Джулия Фарнезе, переехала во дворец, чтобы помогать Адриане.

Хотя повседневные заботы о детях теперь лежали на кардинале, они иногда виделись с матерью, которая в третий раз вышла замуж, за Карло Канале. Его выбрал Родриго Борджа, как он выбирал и первых двух мужей Ваночцы, зная: вдове необходим муж, чтобы обеспечить ей — защиту, а дому — приличную репутацию. Кардинал всегда был щедр, но то, что он ей недодал, она получила от двух первых мужей. В отличие от других красивых, но пустоголовых куртизанок, чьими услугами пользовались аристократы, Ваночцу отличала практичность, восхищавшая Родриго. Ей принадлежали несколько пользующихся популярностью харчевен и загородное поместье, которое также приносило приличный доход. Набожная женщина, она построила часовню, в которой ежедневно возносила молитвы.

По прошествии десяти лет взаимная страсть несколько поугасла, но Родриго и Ваночца оставались добрыми друзьями.

Не прошло и нескольких недель, как Ваночце пришлось расстаться и с последним ребенком, Хофре, который все время плакал в отсутствие братьев и сестры. Вот так все четверо детей кардинала Родриго вновь оказались под одной крышей, на попечении его кузины.

Как и положено детям кардинала, несколько следующих лет их обучали лучшие учителя Рима. В список дисциплин входили гуманитарные науки, астрономия и астрология, древняя история и несколько языков, включая испанский, французский, английский и, разумеется, язык церкви — латынь. Чезаре учился неплохо благодаря острому уму и стремлению во всем быть первым, но наибольшие успехи демонстрировала Лукреция, проявляя при этом и силу характера, и способности.

Хотя большинство девочек отправляли в монастыри, где они учились и воспитывались в уважении к святым, Лукреция, с разрешения кардинала и по совету Адрианы, воспитывалась в почтении к музам, и учили девочку те же учителя, которых приглашали к ее братьям. Поскольку она обожала искусство, список изучаемых ею предметов дополнился игрой на лютне, танцами и рисованием. Лукреция прекрасно вышивала на золотой и серебряной парче.

Она с радостью развивала таланты, заложенные в ней природой. Тем самым возрастала ее роль и в планах отца: выдав ее замуж, он собирался надежно скрепить один из союзов, которым предстояло упрочить могущество семьи Борджа. Лукреция обожала писать стихи и проводила долгие часы над строками, посвященными Богу и романтической любви. Должно быть, ее вдохновляли святые, потому что сердце девочки постоянно переполняли слова.

Джулия Фарнезе относилась к Лукреции как к младшей сестре, кардинал и Адриана уделяли ей максимум внимания, так что росла она счастливым ребенком. Лю-

бопытная и легко ладящая с людьми, она терпеть не могла дисгармонии и всячески старалась поддерживать в семье мир и спокойствие.

* * *

Одним прекрасным воскресным утром, отслужив мессу в базилике Святого Петра, кардинал Борджа пригласил детей присоединиться к нему за столом. Такой поступок требовал немалой смелости, ибо до Папы Иннокентия всех детей церковных иерархов объявляли племянниками или племянницами. Открытое признание отцовства могло помешать назначению на важный церковный пост. Разумеется, люди знали, что у кардиналов и даже у самих Пап были дети (все знали, что они грешили), но, пока сведения эти не становились достоянием широкой общественности и правда доверялась только секретным пергаментам, честь церкви оставалась незапятнанной. В этих вопросах каждый иерарх делал свой выбор, но кардинал терпеть не мог лицемерия. Случалось, конечно, что и ему приходилось лгать или говорить не всю правду. Но ведь он, в конце концов, был и дипломатом.

По столь торжественному случаю Адриана нарядила детей в самое лучшее: Чезаре — в черный атлас, Хуана — в белый шелк, двухлетнего Хофре — в богато расшитый синий бархат. Джулия надела на Лукрецию длинное кружевное платье цвета персика и украсила белокурую головку девочки маленькой драгоценной диадемой.

* * *

Кардинал только закончил читать письмо, которое доставил из Флоренции его старший помощник, Дуарте Брандао. В письме речь шла о некоем монахе-доминиканце, известном под именем Савонарола. Ходили слухи, что он — пророк, устами которого глаголет Святой Дух, но кардинала куда больше беспокоило другое: граждане Флоренции гурьбой валили на проповеди Савонаролы и с энтузиазмом реагировали на его призы-